

Ю. ТЕРАПИАНО

В. Сирин. «Камера обскура»

Издательство «Парабола». 1933 г.

Проза В. Сирина вызвала за последние годы много разговоров. Одни — на наш взгляд преувеличенно — провозглашали Сирина самым замечательным писателем новейшего времени; другие, его противники, были к нему порой просто несправедливы. Во всяком случае, прошло достаточно времени, Сирин как писатель вполне определился и пишущий о его новой книге — в данном случае о романе «Камера обскура», печатавшемся в «Современных записках» и ныне вышедшем отдельным изданием, вправе судить о молодом писателе, не прибегая к обычным «ожиданьям».

Новая книга В. Сирина, особенно последняя ее часть, дает возможность лишний раз полюбоваться свойственным ему даром внешнего выражения. Язык точен, сух, энергичен, порой блестяще резок. Чтение некоторых страниц «Камеры обскуры» доставляет как бы физическое удовольствие — движение на чистом воздухе. Хорошо? — Очень хорошо! Блестящая это литература? — Блестящая! И все-таки, как после движения на чистом воздухе, приятное ощущение только на поверхности; даже досадно, зачем все это так хорошо. Блестяще — но «о понятном», слишком о понятном — о человеке, о жизни извне созерцаемых.

Чувство внутреннего измерения, внутренний план человека и мира, лежат вне восприятия Сирина. Энергия его все время бьет мимо цели, замечательная способность — тратится лишь на то, чтобы с каким-то упоением силой изобразительного дара производить лишь поверхностные, и потому произвольные, комбинации. Внутренней необходимости (у Достоевского, например, мы заранее чувствуем, что Раскольников в такой-то

момент должен неминуемо встретить на мосту Свидригайлова) — чувства, «соединительных швов жизни» Сирин совершенно лишен. Не мне только будет принадлежать это наблюдение, когда я скажу, что действующие лица «Камеры обскуры» без нарушения внутреннего строя повествования могут быть как угодно перетасованы: Кречмара можно без ущерба возвратить жене, девочка их может и не умереть, Горн может жениться на Магде и т. д.

Автомобильная катастрофа и связанные с нею для героев «Камеры обскуры» последствия, столь блестяще изложенные, не обусловлены ничем другим, кроме прихоти автора. В любую сторону — повесть внутренне безответственна. Могут возразить: но ведь это и есть камера-обскура. Однако, и в «Подвиге» конец романа — поездка героя в советскую Россию так же безответствен.

Резко обостренное «трехмерное» зрение Сирина раздражающе скользит мимо существа человека. Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, вспомнив мелкие рассказы того же автора, печатавшиеся в «Последних новостях», что склонность к сомнительному германскому открытию — психоанализу — основной грех Сирина. В его «одержимости памятью» (о чем недавно писал один из наших критиков¹) больше от выдумки, чем от духовного видения. То, что по ту сторону памяти — внутренний, подлинный человек таким приемом познан быть не может. Герои «Камеры обскуры», пока мы не хотим сопротивляться иллюзии, представляются нам живыми людьми. Но принуждающей силы волшебство художника не имеет. Это лишь волшебство, увлекательное, блестящее, но не магия. Захочешь — и пусто становится от внутренней опустошенности — нет, не героев, самого автора. И то, что отсутствие человека выражается с таким блеском, еще усиливает ощущение разочарования: чувствуешь то, что Сирин при его большом формальном даровании мог бы дать, если бы... но это «если бы» с каждой его новой повестью делается все более и более проблематическим.

